

СЕРДЦЕ СЕВЕРА

СЕРАФИНА РИВ
СТЕША РАШ

18+

Серафина Рив

Сердце Севера

<https://litres.ru/74367718>

SelfPub; 2026

Аннотация

Север — это приговор. Здесь нет жизни, только вечная мерзлота и проклятие. Гарт — проклятый Аш, чья душа скована льдом родового проклятия. Чтобы спасти свой умирающий народ, ему нужна жизненная энергия южанки. Шесть девушек уже приняли смерть в его покоях, не выдержав ритуала.

Седьмая — Августа. Южная аристократка, проданная собственным женихом в обмен на свою жизнь. Никто не верит, что она переживет ночь, но что, если Север сам сделал свой выбор? Он не убьет ее. Он признает в ней свою госпожу.

Содержание

Глава 1. Нежная южная роза	4
Глава 2	15
Глава 3	26

Серафина Рив

Сердце Севера

Глава 1. Нежная южная роза

— Эта дрянная девчонка снова упрямится! Зачем ты её родила?! — отец кричал на мать, как обычно. — Я бы скормил её собакам, если бы вредный старик не вступился за это поганое отродье!

Я вжалась в холодную стену возле приоткрытой двери кабинета отца. Поганое отродье — это он про меня. Я старшая принцесса южного Дома Воды. Старшая — значит, несчастливая. Отец хотел сына, а получилась я. Рыжая, неуклюжая, с бледной кожей. У меня не было силы брата или грации сестры, не было огромной внутренней силы Йор, как у матери.

Вообще ничего не было, кроме влиятельного и богатого жениха, от которого меня выворачивало наизнанку.

Но, конечно, меня никто не спрашивал. Кто я такая, чтобы что-то решать?

Меня любил только дед. Он всегда заступался за меня и успокаивал, когда я в синяках выходила из кабинета отца. Матери на меня было плевать. У неё были другие дети, которые, в отличие от меня, не порывались скормить бродячим

псам.

Такова участь первенца. В наших краях, если первой рождалась дочь, она навлекала беду на весь род.

Дед умер прошлой зимой. Ушел тихо, никого не побеспокоив. Как всегда. Последний год его жизни я провела рядом с ним. Помогала ему ходить, кормила, убирала... А потом его не стало. Вся семья вздохнула с облегчением, а у меня словно вырвали душу и вывернули наизнанку. Прошел год, а я до сих пор иногда чувствую его руки на своих волосах, когда засыпаю.

Я помотала головой, отгоняя грустные мысли. Не хватало ещё отхватить по шее за то, что разрыдалась под дверью отцовского кабинета.

— Я отошлю её Дому Земли сегодня же! Пусть принц забирает свою проблему. Всё, меня она больше не касается!

Я поёжилась.

Принц Дома Земли, Альберт, казалось, помешался на мне. Он ходил за мной хвостом с самого детства. На всех приемах просил у отца мой первый танец, а недавно пришел с предложением руки и сердца, на которое отец ответил согласием.

Я даже не стала спорить. Просто начала методично продумывать план побега, который, кажется, наконец-то мне пригодился.

«Собрать провизию, вещи на первое время», — проговаривала я, пока поднималась к себе, подобрав юбки. Времени

у меня было немного. Вероятно, отец не шутил. Он никогда не шутил, когда дело касалось того, как же меня ещё нака-
зать.

Он знал, что Альберт мне противен. Скорее именно по-
этому он закрыл глаза на многолетнюю вражду Дома Воды
и Дома Земли. Он хотел сделать мне побольнее, и у него
это получилось. Каждый раз, когда я танцевала с Альбертом
на приемах, меня выворачивало в ближайших кустах. Отец
знал это и только сильнее подстегивал земного принца при-
глашать меня на танец.

— А! Уже собираешься? — Я услышала холодный голос
отца за спиной и вздрогнула.

— Батюшка? — картинно-наигранно вскрикнула я, пряча
сумку за спину. — Что вы, я просто...

Он не дал мне договорить, резко вскинув руку.

— Довольно. Мне плевать, что ты делаешь. Сегодня ты
уезжаешь в Дом Земли. Если сбежишь по дороге, с тобой уже
будут разбираться по их законам. Меня это не касается.

Он прошелся по моей комнате, посмотрел в окно, медлен-
но дошел обратно к двери. Я не дышала, надеясь, что он не
начнет меня обыскивать.

— Собирай вещи, через час твою комнату отдадут Ёсе, —
усмехнулся он, оборачиваясь ко мне, а затем вышел, громко
хлопнув дверью.

Вот так. Родная дочь оказалась хуже дворовой шавки Ёси.
Я снова помотала головой. Жалеть себя я буду потом, когда

пересеку границу с независимыми территориями, а сейчас не время!

Я спешно распахала украшения по тайникам. В подошву легких босоножек, в пару потайных кармашков в белье и платье. Перед тем как убрать фамильный дедушкин кулон, я нежно погладила его подушечкой большого пальца. На нем была изображена нежная роза. Символ бабушкиного родного дома. Дед подарил его мне перед своей смертью. Это была моя память о нем и о том, что я сильная, что я со всем справлюсь, нужно только захотеть.

Наконец, я была готова. Для вида я скинула платья в саквояж, положила туда немногочисленные фамильные драгоценности отцовского дома, небольшой семейный портрет и личный дневник. Конечно, я его никогда не вела, но должна же была создать видимость того, что эти вещи для меня дороги.

Последние три года я методично записывала в этот дневник ложные мысли нежной южной розы. «Чем слащавее и романтичнее, тем лучше» — такой был мой девиз.

Конечно, каждый знал, что это мой дневник, ведь я мечтательно записывала в него «свои мысли» на публику.

Я судорожно огляделась. Кажется, я ничего не забыла. Ну вот. Теперь я окончательно лишилась родного дома. Дома, в котором я провела всё детство и юность. Дома, который по праву крови должен был стать моим, если бы я только родилась мальчиком.

В дверь постучали.

— Августа, жених приехал, — холодно сказала мать.

Я прерывисто вздохнула, стараясь успокоиться и натянуть счастливую улыбку.

— Уже бегу, матушка! — Я выскочила из комнаты и легкой поступью выбежала во двор.

Я слышала смехок матери и видела победную ухмылку отца, который был уверен, что обрекает меня на вечные страдания.

Выбежав во двор, я кинулась на шею Альберту.

— Дорогой! — счастливо взвизгнула я. От его запаха меня чуть не вырвало, но я не позволила себе потерять лицо счастливой невесты. — Мы наконец-то поедem домой? — счастливо и нарочито громко спросила я.

Пусть знает, старая псина, что я не страдаю. Я не доставлю ему удовольствия упиваться своей победой.

— Да, рыбка моя, поедem, — как-то неуверенно сказал Альберт. Я отметила, как подленько у него забегали глазки. Это было не к добру. Он явно что-то задумал. Пока я не могла раскусить его мотивы, но мне было всё равно. Сейчас мы сядем в карету, потом поедem, я попрошусь остановиться в туалет, и всё. Ищи-свищи меня, дорогой женишок.

Нежно прижавшись к его плечу, я из последних сил держалась, чтобы меня не вырвало. Надо разыгрывать счастливую невесту до конца. Пусть отец видит, пусть его злит моё счастье.

Альберт галантно подал мне руку, когда я заходила в круглую, похожую на большой арбуз, карету. Очаровательно ему улыбнувшись, я приняла помощь.

Уже в карете можно было немного расслабиться и отстраниться от Альберта под предлогом посмотреть в окошко.

Женишок был на удивление молчалив. Было видно, что он нервничал всё сильнее с каждой минутой нашего пути.

— Дорогой, — я надула губки и повернулась к нему, — а мы могли бы остановиться? Я выпила так много сока перед дорогой, боюсь, мне нужно отлучиться...

Альберт резко поднял голову и посмотрел на меня. Он обкусал губы до крови.

— Да? — неуверенно сказал он, о чем-то задумавшись.
— Да! — уже веселее добавил он. — Конечно, рыбка моя, там будет хорошая полянка. На ней и остановимся. Потерпи пару минуток.

От его «рыбка моя» меня немного передёрнуло, но, к счастью, он этого не заметил. Что же его так беспокоит? Может, ему не разрешили взять меня в жёны, и он решил сделать меня наложницей, и поэтому не хочет расстраивать?

Неважно. Я всё равно собиралась сбежать, поэтому меня это не касалось. Я сделала пару глубоких вдохов. Казалось, что сбежать — это легко, но на деле оказалось чертовски сложно. Бросить всё такое привычное и умчаться в неизвестность. Та ещё задачка...

Через пару минут карета остановилась. Я подскочила, от-

кривая дверку.

— Я быстро, дорогой! — весело сказала я, выходя из кареты.

Шаг на свободу. Второй. Третий. Я прикрыла глаза, чтобы успокоиться, и к моему удивлению услышала, что моя карета уезжает вместе с Альбертом. Медленно обернувшись, я увидела свой саквояж, аккуратно стоящий на земле.

Подошла. Подняла его и огляделась. Это... Что это значило?

— Далеко собралась, розочка? — грубый низкий голос за моей спиной явно не сулил мне ничего хорошего.

Сильные мужские руки зажали мне рот. Я дернулась, но безрезультатно. Меня сильнее прижали к крепкому мужскому телу. Я с силой укусила палец, который держал мой рот.

— Вот тварь! — меня отпустили, но ненадолго. Я успела обернуться, когда нападавший схватил меня за запястье.

— Будешь кусаться, сам Аш тебя на месте убьет. Даже до ритуала не доживешь! — сказал он, дергая меня на себя.

Северяне. Это были северяне, а значит, ничего хорошего меня дальше ждать не могло.

— Да я тут... Жениха жду... — растерянно сказала я, — давайте просто мирно разойдемся, а?

Северянин рассмеялся.

— Ты слышал? Она жениха ждет! А женишок-то тебя продал. Пошли, розочка. Теперь у тебя одна задача, сдохнуть под Ашем и не выделяться.

— Нет! — я дернулась, — Нет! Он не мог меня продать! Он любит меня!

Отчего-то я была в этом уверена. Любовь Альберта была для меня настолько естественной, что я даже подумать не могла о том, что он продаст меня северу.

— Жизнь он тоже любит, но, когда она висит на волоске и мать родную продашь и родину, куда уж там, невеста, — хохотнул второй северянин, крепко связывая мне руки.

— Нет, прошу вас, отпустите! — крикнула я, после чего мне заткнули рот какой-то грязной тряпкой и кинули в повозку.

Дальше я ехала молча. А смысл? От Альберта я сбежать могла, а от северян даже пытаться не стоит. В моих же интересах доехать живой. Может они пощадят меня и хотя бы определят в кухарки? Я слышала, что на севере тоже бывает лето. Короткое, две недели, но может быть тогда я успею сбежать? Уж ждать-то я умею...

Мы ехали долго. До самого вечера. Как раз появилось время себя пожалеть.

Чем я заслужила такую судьбу? Я не выбирала родиться девочкой, я вообще не выбирала родиться. Отец ни раз говорил, что лучше бы я сдохла в детстве. Меня никогда не лечили от болезней, не кормили неделями, а я все жила. Вопреки всему. Какая же из меня роза? Я даже сдохнуть нормально не могу.

Я смотрела на голубое небо и тихо плакала лежа на дере-

вянной телеге. Вот тебе и родиться под счастливой звездой принцессы...

Голубое небо постепенно сменялось серым, а затем стало и вовсе черным. Наступила глубокая ночь. Заметно похолодало. Видимо мы приближались к северным границам.

— Слышь, толстый, проверь, она там живая? А то что-то притихла. Поди от страха скопытилась.

Я услышала тяжелые шаги, а затем голос прямо над собой.

— Да нет, лежит рыдает.

— Рыдает, это хорошо, — усмехнулся второй, — это значит осознает.

Меня резко поставили на ноги. Я почувствовала что-то холодное и мокрое под ногами. Снег? Это был... Снег?

Посмотреть мне не дали, меня просто затолкали в какой-то мешок и кинули в другую повозку. Или... Это была не повозка? Я не видела, но шла она явно мягче. Меня трясло от пробирающего до костей холода. На удивление внутри у меня тоже был холод. Холод и пустота... Мне не было больно, не было грустно, мне просто было... Никак. Может быть выплавав все слезы, я смирилась со своей судьбой? Может быть убитой Ашем севера — это честь? Отмучаюсь, а в следующей жизни буду самой счастливой?

Мы ехали долго. Казалось, вечность. Но вот повозка остановилась. Не как останавливаются кареты, а плавно.

Мешок грубо стянули с моей головы. Я жадно вдохнула ледяной воздух, который обжег легкие, и закашлялась.

Вокруг была крошечная тьма. Ни луны, ни звезд. Только тяжелое, низкое небо, из которого валил крупный снег.

Я всегда думала, что вечная ночь Севера всего лишь легенда, а оказывается, вот она какая... Меня мелко затрясло от холода.

Грубый толчок в плечо заставил меня упасть на четвереньки. Холод обжег кожу. Мои легкие босоножки мгновенно промокли, холод забирался все выше. Я подняла голову, пытаюсь унять дрожь и сфокусировать взгляд.

Передо мной возвышалась настоящая крепость. Не роскошный замок из южных сказок, а огромная, грубая каменная цитадель, вросшая в мерзлоту. Из узких бойниц пробивался тусклый рыжий свет.

— Добро пожаловать в домой, розочка, — хохотнул один из моих похитителей, поднимая меня на ноги и пихая меня в спину. — Эй, Брут! Забери свою добычу!

Из ворот вышел здоровяк, закутанный в толстые шкуры. Он посмотрел на меня сверху вниз, словно на бродячую собаку, которую привязали к крыльцу.

— Это и есть та самая, с нужным Йором? — недовольно сплюнул он. — Выглядит так, словно сдохнет от любого чиха в её сторону. Аш на неё даже не посмотрит.

Меня затрясло сильнее. То ли от холода, то ли от страха. Я не понимала.

— Не наша проблема, — ответил тот, что поймал меня. — Принц Земли эту привез. Куда ее?

— В ледник, — махнул рукой Брут. — Аш в отъезде. Когда вернется — пусть сам решает, что с этой тварью делать. А пока пусть поморозится для сговорчивости.

Меня схватили под руки, волоча по снегу к черным воротам крепости. Я пыталась упираться, кричала, что произошла ошибка, но северянам было плевать.

Меня протащили по гулким, холодным коридорам, где пахло ржавчиной и сыростью, а затем швырнули в какое-то темное нутро замка.

Дверь захлопнулась за мной с тяжелым лязгом. Плышался скрежет засова.

Тишина.

Я осталась одна. В кромешной тьме ледяного подвала.

Глава 2

Великий Аш Гарт, Север, неделю спустя

Тяжелый засов скрипнул, разрезая звенящую тишину подвала железным визгом, и массивная дверь распахнулась, выпуская внутрь клубы морозного пара. Запах плесени, ржавчины и застарелого страха моментально смешался с ароматом снега, свежей крови и дорогого меха, который нес на себе вошедший.

Гарт переступил порог. Его сапоги гроыхнули по промерзшему камню. Великий Аш, сердце Севера, мясник, тиран — он заполнил собой все тесное пространство сырой камеры. В тусклом свете факелов его лицо казалось высеченным из того же камня, что и стены замка: жесткие линии, шрам, пересекающий бровь, и глаза — бледные, как зимнее небо, и такие же пустые.

Взгляд скользнул туда, где на толстых ржавых цепях, висящих с потолка, скорчилась девушка. Цепи уже давно врезались ей в запястья до крови. Нежная, хрупкая южная розочка, привезенная с солнечных земель в эту вечную мерзлоту. Несколько дней назад она еще кричала, требовала, плакала. Аш слышал, когда вернулся с похода. Сейчас она издавала лишь тихие, еле слышные всхлипы. Они срывались с потрескавшихся губ, нарушая тишину ледника.

Гарт смотрел на нее, и внутри него не шевельнулось ни

капли жалости. Только глухое, привычное отвращение к чужой слабости. Он ненавидел ее. Ненавидел за то, что она вообще существует. За то, что его жизнь нестигаемого правителя теперь зависела от этой дрожащей, жалкой девчонки.

Он подошел вплотную. Плащ из черного волчьего меха мазнул по ее голым, посиневшим от холода ногам. Гарт не стал снимать перчатки из толстой кожи. Его рука метнулась вперед и грубо, больно сжала ее подбородок, заставляя запрокинуть лицо к свету.

— Хватит выть, — голос Гарта прозвучал хрипло, низко.

Он склонился к ее лицу так близко, что едва не коснулся её.

— Мои люди сказали, ты согласна стать моей женой. — Губы Гарта скривились в жестокой усмешке, обнажив ровные белые зубы. — Я бы спросил, в самом ли деле ты этого хочешь, но нам обоим известно, что это ложь. Ты согласна, потому что твой жалкий юг научил тебя цепляться за жизнь любой ценой.

Большой палец в кожаной перчатке надавил ей на скулу, с силой оттягивая кожу вниз, заставляя открыть рот шире.

— Хорошо. Ты выйдешь за меня. Станешь моей собственностью, сосудом для снятия проклятия. Не смей мечтать о большем, я не твой защитник, не твой муж в том смысле, в каком вы, южные дурочки, рисуете это в своих сказках. Я — твой палач. Ты пожертвовала собой, чтобы выжить, но очень скоро ты пожалеешь, что не сдохла в этой яме.

Он резко отпустил ее подбородок, отшвыривая ее голову в сторону, и скрестил руки на груди. Цепь над ней жалобно звякнула.

— Скажи мне это. Громко. Скажи, что согласна стать моей женой по собственной воле. И, может быть, я прикажу дать тебе чашку воды, прежде чем брошу на свое ложе.

Он снова взял её за подбородок, заставляя посмотреть на него. Она всхлипнула и с силой укусила его за палец, прокусив перчатку.

Гарт замер.

На мгновение в леднике воцарилась такая тишина, что слышно было, как потрескивает факел в сырости и где-то далеко капает вода с сосульки. Он не дёрнулся, не отдёрнул руку — только смотрел вниз на неё, прищулив глаза. Лёд в его зрачках стал гуще, темнее.

А затем он рассмеялся.

Тихо. Сухо. Это был не смех удовольствия — скорее звук, который издаёт нож, выходящий из раны. Он медленно, с нажимом, выдернул палец из её рта и поднёс к глазам. Сквозь разорванную кожу перчатки проступила тёмная, почти чёрная кровь — густая, как смола, с мерцающими в свете факела льдинками.

Он посмотрел на укус, потом на неё.

— Ты укусила меня, — сказал он беззлобно, даже почти задумчиво. — Знаешь, что в моих землях делают с теми, кто кусает великого Аша?

Он разжал руку, встряхнул кистью, и перчатка с глухим стуком упала на каменный пол. Обнажилась ладонь — бледная, с тёмными венами, что вились узорами под кожей, как корни промёрзшего дерева. На указательном пальце чернел свежий кровавый след.

Гарт шагнул ещё ближе, теперь почти касаясь грудью её висящего тела, нависая над ней всем своим весом. Его дыхание коснулось её губ.

— Это был храбрый поступок, — произнёс он медленно, растягивая слова, словно пробуя их на вкус. — И очень глупый.

Он взял её за горло. Не сжимая, лишь придерживая — тяжёлая ладонь легла на её голую шею, прижимая к стене.

— Ты думаешь, что показала мне свою силу? — он склонил голову, разглядывая её лицо — потрескавшиеся губы, черные круги под глазами. — Ты показала мне только то, что в тебе ещё осталось немного жизни. Это хорошо. Мёртвая кукла мне не нужна. Но учти.

Он наклонился к самому её уху, и голос его стал тише.

— Каждый раз, когда ты будешь меня кусать, я буду отнимать у тебя что-нибудь. Сначала воду. Потом еду, тепло. Потом — жизнь.

Он отстранился, убрал руку с её горла. На её коже остался красный след от пальцев. Она жадно глотнула воздуха.

— Я не повторяю дважды. Ты выйдешь за меня. Скажи это добровольно, или я прикажу своим людям запереть тебя

здесь ещё на неделю. Только на этот раз — без света и без надежды, что кто-то войдёт. Ты сгниёшь здесь, моя розочка. Сгниёшь, и я найду другую девушку с нужным знаком.

Он выпрямился, скрестил руки на груди и ждал. Взгляд его был непроницаем, но в уголках губ застыла тень обещания боли, на которую она только что себя подписала.

— Я выйду за тебя, — безжизненно тихо сказала она.

Гарт какое-то мгновение молчал. Просто смотрел на её губы, которые произнесли эти слова, на пустые глаза, в которых не осталось ни надежды, ни сопротивления. И это его разозлило.

Он ожидал слёз. Истерики. Унижений. Но она произнесла это так, словно смирилась. Безжизненно. Как будто её уже не было здесь. И в этом было что-то неправильное.

Его рука снова взметнулась, на этот раз сжав прядь её спутанных, грязных волос, и он с силой потянул её голову назад, заставляя смотреть в потолок.

— Ты согласилась. Прекрасно. Сейчас я прикажу тебя отмыть, одеть и накормить — ровно настолько, чтобы ты могла стоять у алтаря. — Он почти выплюнул последнее слово, словно оно было ядом. — Но после того, как кольцо будет на твоём пальце, ты узнаешь, что такое истинный Север. Здесь нет места нежности, розочка. Ты будешь чувствовать холод каждую секунду своего существования здесь. Я сделаю так, что сама захочешь сдохнуть, но процесс будет мучительным, и я не позволю тебе просто так сбежать.

Он отпустил её волосы с резким движением, и она мотнула головой. Влага со стен холодила её босые ноги.

— Привести её в порядок, — бросил он через плечо, в сторону двери, где стояли два охранника в чёрных плащах, невидимые во мраке. — И принесите воды. Она заслужила... глоток.

Он снова повернулся к ней, и его лицо озарила мерцающая тень факела.

— Наслаждайся этим, розочка. Потому что после того, как ты станешь моей женой, вода будет капать из чаши не чаще, чем я буду считать нужным. У тебя есть один день, чтобы научиться быть благодарной.

Он вышел и медленно вытер ладонь о меховой плащ, ту самую, что ещё минуту назад сжимала её подбородок.

— Я уже вижу, — сказал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к охранникам, застывшим у дверей. — Её глаза пусты. Её душа не принимает Север. Она не станет моей женой в том смысле, в каком это нужно ритуалу. Она примет меня телом — потому что ей некуда бежать. Но её Йор... — он усмехнулся шире, и в этой усмешке было что-то звериное, — её слабый южный Йор убьёт её в первую же ночь.

Гарт шагнул в коридор, и массивная дверь с глухим лязгом захлопнулась за его спиной, отрезая её всхлипы, звон цепей и сырой холод подвала от остального мира.

Он шёл по каменному коридору, и в тишине замка его шаги звучали, как удары молота. Мысль о том, что она умрёт, не

вызвала в нём ни сожаления, ни тревоги. Только холодное, тёмное удовлетворение — он не будет тратить время на ложные надежды. Он уже приказал отмыть и накормить её лишь для того, чтобы ритуал состоялся. Но если Йор отвергнет её — а она отвергнет, он знал это по холодку, пробежавшему по венам, когда он коснулся её кожи — тогда он просто выбросит тело в снега. И наймёт нового охотника за южными девушками. Через месяц. Или через год. Времени у него было много.

Гарт остановился у лестницы, ведущей в его личные покои, и поднял глаза к высокому потолку, где сквозь узкие бойницы пробивался тусклый северный свет.

— Ты не принесёшь мне спасения, — сказал он пустоте. — Но ты подаришь мне развлечение.

Ритуал должен был состояться через шесть часов. Гарту нужно было как следует выспаться перед ритуалом. Он отнимал много сил.

Гарт уже был готов провалиться в сон, но уснуть не получалось.

Он лежал на широкой постели, застеленной медвежьими шкурами, в своих покоях. Свечи догорали, и их тени дрожали на стенах, как живые существа. Но сквозь шум ветра за окном, сквозь гулкую тишину замка он продолжал слышать её.

Она не кричала. Она рыдала. Тихо, надрывно, на одной ноте, которая просачивалась сквозь каменные стены, как во-

да сквозь трещины. Он слышал, как она дёргает цепи, как её дыхание срывается на хрип, как она что-то шепчет — возможно, молитву южному богу. И этот звук, тихий и монотонный, въедался ему в череп, как заноза.

Гарт перевернулся на бок, затем на спину. Натянул мех до самого подбородка. Прикрыл глаза.

Не помогло.

Она всё ещё плакала. Звук вплетался в его собственный ритм сердца, нарушая привычный ледяной покой.

Он сел. Резко, с тихим рыком, сбросил шкуры с плеч и устоялся в темноту комнаты. В ней пахло дымом, мёдом и его собственной кровью, которая сочилась из трещин на его коже.

— Проклятая, — выдохнул он сквозь зубы. — Ты даже в подвале умудряешься мешать мне.

Он поднялся с кровати. Голый по пояс, при свете угасающего камина, его торс выглядел как карта боёв — старые и новые шрамы, тёмные вены. Он натянул штаны, накинул меховой плащ, и вышел из опочивальни. Сапоги гулко стучали по коридору, но он не зажигал факела — он знал этот путь наизусть.

Когда он спустился в подвал, дверь в её камеру была уже слегка приоткрыта. Её рыдания стали громче. Он остановился в проёме, опершись плечом о косяк, и долго смотрел на неё в полумраке. Она лежала на холодном полу, скорчившись, прикованная к стене, и её плечи вздрагивали.

— Ты не даёшь мне уснуть, — сказал он тихо, почти задумчиво. — И меня это раздражает гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

Он перешагнул порог и подошёл ближе. Нагнулся, грубо схватил её за подбородок, поднял её лицо к себе.

— Ты так горько плачешь, что я слышу твой голос даже сквозь камень. — Он прищурился. — Я думал, ты уже израсходовала все свои слёзы. Но ты, я смотрю, неиссякаемый источник.

Он отпустил её и выпрямился, глядя сверху вниз.

— Замолчи. Или я прикажу своим людям принести кляп.

Он помедлил, разглядывая её заплаканное лицо.

— Что ты вообще оплакиваешь? Дом? Свободу? Жизнь? — Он слегка наклонил голову. — Это всё уже не имеет значения, розочка. Ты здесь. На рассвете ты сдохнешь в моей постели. Такова твоя судьба.

Он ждал, скрестив руки, и его глаза в темноте светились холодным, колючим интересом.

Плакать она не переставала. Рыдала ещё громче. Её руки были закованы в цепи, и она не могла оттолкнуть его руку.

Гарт стоял неподвижно, вглядываясь в её лицо. Он видел, как дрожат её губы, как слёзы текут по вискам, как судорожно вздымается грудь. Но больше всего его привлекли глаза. В них не было покорности. Они горели — не огнём, нет, южным солнцем, которое уже начинало угасать, но всё ещё отчаянно сопротивлялось.

Он разглядел там ненависть. Презрение. Отвращение — такое глубокое, что оно не нуждалось в словах. И ещё что-то, что он не мог сразу определить, но что заставило его внутренности сжаться холодным узлом.

— Ах, — произнёс он медленно, не отрывая от неё взгляда. — Так вот оно что.

Он всё ещё держал её за подбородок, и его большой палец надавил чуть сильнее, вжимаясь в кожу, пока не побелело. Он не отпускал её, хотя она не могла сопротивляться — её руки были закованы, и она даже не могла вытереть слёзы.

— Ты ненавидишь меня, — сказал он с тихим, почти одобрительным смешком. — Не просто боишься. Не просто страдаешь. Ты смотришь на меня так, будто я — олицетворение всех твоих ночных кошмаров.

Он наклонился ближе, почти касаясь носом её лба, и его голос стал тише, опаснее:

— Это хорошо. Ненависть живёт дольше надежды. Если бы ты плакала только от страха, ты была бы скучной. Но ненависть... — он на мгновение задержал дыхание, — ненависть согревает.

Гарт разжал пальцы и резко выпрямился. Он отошёл на шаг, засунул руки за пояс, и уставился на неё сверху вниз с выражением, которое нельзя было назвать ни злостью, ни удовольствием. Скорее — расчётливым ожиданием.

— Продолжай плакать, — вдруг сказал он, и в его голосе зазвенела сталь. — Или не продолжай. Мне всё равно. Но

учти: через шесть часов тебя ждет твоя смерть. Этого не изменить, розочка.

Он шагнул к двери, но на пороге остановился и обернулся. Факел за его спиной выхватывал из мрака лишь половину его лица.

— Знаешь, что я вижу в твоих глазах? — спросил он, не ожидая ответа. — Надежду. Ты всё ещё надеешься, что кто-то придёт. Что я изменюсь. Что слёзы смягчат меня. Я скажу тебе правду, розочка. Ты можешь плакать, пока твоё горло не сорвётся, и в этом замке никто не услышит. Кроме меня. А я не твой спаситель.

Он вышел, захлопнув дверь с глухим стуком, и его шаги затихли в коридоре.

Но через минуту он вернулся. Рывком открыл дверь и бросил на пол, прямо к её ногам, кусок чёрной ткани — грубой и жёсткой, как кора.

— Заткни себе рот, если не хочешь, чтобы я сделал это сам.

Он ушёл. На этот раз — окончательно. Но его присутствие всё ещё висело в воздухе, как запах грозы после удара молнии.

Крики стихли, и он наконец-то смог поспать.

Глава 3

Августа, ледник в плену у северян.

Я перестала понимать, сколько прошло дней.

Здесь время считалось не часами, а каплями, шагами караула за дверью.

Кап.

Кап.

Кап.

Сначала я сходила от этого звука с ума. Потом начала считать. Потом считать стало нечем: моя голова настолько болела так сильно, что я забывала, на чём остановилась.

Холода я уже не чувствовала. И это пугало. Я не могла шевелить ни руками, ни ногами. А смогу ли я вообще когда-то ими шевелить?

Запястья давно перестали болеть. Иногда по рукам стекало что-то мокрое и холодное, но я старалась об этом не думать.

А потом дверь лязгнула.

Я вздрогнула всем телом — цепи коротко и зло зазвенели надо мной. В проём валил морозный пар, и раньше, чем разглядела вошедшего, я поняла главное: с ним пришло тепло.

Целую неделю единственным теплом в этом леднике была я сама. И оно таяло. Моё тело, подлое, полумёртвое тело, потянулось к нему раньше, чем я успела вспомнить, кто пе-

редо мной и зачем он пришёл.

Он вошёл, и камера стала маленькой. Великий Аш. Я не знала толком, что значит это слово «Аш», но северяне произносили его так, как произносят не титул, а имя зверя, которого боятся. Он заполнил собой весь подвал: широкие плечи, чёрный мех, запах снега и морозной свежести.

От него несло жаром, как от раскрытой печи, — и я поймала себя на том, что дышу ртом, тяну в себя его воздух, как тянутся замерзающие к окну, за которым горит чужой свет.

Он смотрел на меня, и в его лице не было ничего. Ни злости, ни любопытства. Так отец смотрел на слугу, принесшего плохие вести: не удостоивая его никаким вниманием.

Я знала этот взгляд. Меня ненавидели профессионально, с детства, на юге это ремесло ставили основательно. Я умею жить, когда меня ненавидят. Это, если подумать, единственное, в чём я действительно хороша.

Он подошёл вплотную. Край его плаща — чёрный мех, мягкий, чужой, дорогой — мазнул по моим босым ногам, и от этого прикосновения по коже прошёл дикий, унижительный импульс блаженства. Просто ткань. Просто мех. Моё тело цеплялось за любую возможность жить.

Рука в толстой кожаной перчатке метнулась вперёд и сжала мой подбородок. Потрескавшиеся губы лопнули. Он поднял моё лицо вверх, к тусклому свету факела, и склонился так близко, что его обожгло мою кожу.

— Хватит выть, — голос его прозвучал хрипло и низко.

Я и не была. Я не могла. Голос сорвался ещё на третий день, где-то между молитвой южному богу и проклятиями в адрес Альберта. Южный бог не ответил. Альберт не услышал. С тех пор я экономила энергию даже на дыхании.

— Мои люди сказали, ты согласна стать моей женой. — Губы его скривились в усмешке, — Я бы спросил, в самом ли деле ты этого хочешь, но нам обоим известно, что это ложь. Ты согласна, потому что твой жалкий юг научил тебя цепляться за жизнь любой ценой.

Внутри меня — там, где раньше жили злость и обида, — что-то слабо кольнуло. Он угадал. Разумеется, угадал. Он говорил обо мне, как о рыбе, вытащенной из воды, которая бьётся, потому что отчаянно хочет обратно в воду.

И самое обидное — что рыбой я и была. Билась. Из последних сил, из вредности, из привычки, унаследованной неизвестно от кого, потому что никто в моём роду так упорно жить не хотел.

Большой палец в перчатке надавил мне на скулу, оттянул кожу, заставил открыть рот шире. Голова моя была как чужая, я смотрела на него снизу вверх — на шрам через бровь, на бледные, пустые глаза — и ждала, пока он договорит. Я умела ждать. Отец научил.

— Хорошо. Ты выйдешь за меня. Станешь моей собственностью, сосудом для снятия проклятия. Не смей мечтать о большем, я не твой защитник, не твой муж в том смысле, в каком вы, южные дурочки, рисуете это в своих сказках. Я —

твой палач. Ты пожертвовала собой, чтобы выжить, но очень скоро ты пожалеешь, что не сдохла в этой яме.

«Ты пожалеешь, что не сдохла». Отец говорил почти то же самое, другими словами, за воскресным обедом. Я пережила и это. Я переживу и его. Такого мое нутро — цепляться за жизнь всеми силами.

Он отпустил мой подбородок. Моя голова мотнулась, как у куклы, а цепь надо мной жалобно звякнула.

— Скажи мне это. Громко. Скажи, что согласна стать моей женой по собственной воле. И, может быть, я прикажу дать тебе чашку воды, прежде чем брошу на свое ложе.

Вода.

Одно слово — и тело среагировало раньше меня: сердце заколотилось где-то в горле, язык прилип к нёбу. Вот до чего я дошла. Меня можно купить чашкой воды. Неслыханная роскошь, быть купленной за чашку воды, раньше за меня давали целые караваны, договоры и принцев, а теперь хватит глиняной кружки.

Он снова взял меня за подбородок, заставляя смотреть на него. Его лицо было близко — слишком близко. Тёмные волосы, жёсткая линия челюсти. Пар шёл от него, как от лошади после долгого галопа. «Брошу на своё ложе». Он произнёс это тем же тоном, что и про воду.

Я не думала. Впервые за неделю, я вообще не думала. Что-то древнее, глупое, не успевшее замёрзнуть во мне поднялось из самого нутра, и я всхлипнула — и сомкнула зубы на

его пальце с такой силой, что кожа перчатки лопнула.

Секунда.

Он не дёрнулся. Не ударил. Не заорал. Настолько тише стало в леднике, что я слышала, как трещит факел, и где-то далеко, за стеной, снова что-то капает.

Кап.

Кап.

Кап.

Он смотрел на меня сверху вниз, прищурившись, и лёд в его зрачках густел, темнел, а я висела на его пальце, как рыба на крючке, и понимала, что сейчас умру.

А потом он рассмеялся.

Тихо, сухо, без единой ноты веселья. Так смеются не люди. Он медленно, с нажимом, выдернул палец из моего рта — я почувствовала вкус его крови.

Она была горячей. Первую секунду она обжигала как кипяток, а потом появлялся холод. Казалось, будто я проглотила глоток пламени, а следом закусилась льдинками. Кровь не должна быть такой. Кровь горячей, но его была какой-то неправильной. Как и он сам.

— Ты укусила меня, — сказал он беззлобно, почти задумчиво, поднося палец к глазам. — Знаешь, что в моих землях делают с теми, кто кусает великого Аша?

Я не знала, да и мне было уже все равно. Настолько все равно, что уголок моего сознания успел предложить: «Скороят собакам? Отец обещал мне то же самое, но так и не удо-

сужился». Я почти улыбнулась. Наверное, от этого выглядела совсем безумной.

Он разжал руку, встряхнул кистью — перчатка глухо стукнула о камень. Я увидела его ладонь. Голую. Бледную, с тёмными венами, которые вились под кожей узорами, как корни промёрзшего дерева. На указательном пальце чернел укус — мой укус, единственное, что у меня осталось в этом мире.

Он болен, — отстранённо подумала я. Вены не так выглядят у здоровых людей. Я видела, как умирают люди, — дедушкины последние недели я разглядывала его руки часами. Больное чудовище.

Он шагнул ещё ближе, нависая, почти касаясь меня грудью, и его дыхание обожгло мне губы.

— Это был храбрый поступок, — произнёс он медленно, растягивая слова. — И очень глупый.

Ладонь легла мне на горло. Тяжёлая, горячая. Его жар проходил сквозь кожу, и там, где лежали его пальцы, шея горела. Это было единственное горячее пятно на моём теле за целую неделю.

— Ты думаешь, что показала мне свою силу? — он склонил голову, разглядывая моё лицо. — Ты показала мне только то, что в тебе ещё осталось немного жизни. Это хорошо. Мёртвая кукла мне не нужна. Но учти.

Он наклонился к самому моему уху и заговорил тише, и от его голоса по спине прошли мурашки — не от страха. От жара.

— Каждый раз, когда ты будешь меня кусать, я буду отнимать у тебя что-нибудь. Сначала воду. Потом еду, тепло. Потом — жизнь.

Он отстранился. На моей шее наверняка остался красный след от пальцев. Я чувствовала его ещё долго после того, как его рука отпустила меня. Я жадно глотнула воздуха.

— Я не повторяю дважды. Ты выйдешь за меня. Скажи это добровольно, или я прикажу своим людям запереть тебя здесь ещё на неделю. Только на этот раз — без света и без надежды, что кто-то войдёт. Ты сгниёшь здесь, моя розочка. Сгниёшь, и я найду другую девушку с нужным знаком.

«Розочка».

Дедушкин кулон с розой сейчас был зашит в подошву моих босоножек и лежал, наверное, в общей куче вещей, которые они забрали. Или выбросили. Одна неделя без света. Я дотянула до седьмого дня только потому, что знала: дверь откроется. А неделя без света — это уже не жизнь, это просто длинная смерть.

Он был прав, мой жалкий юг научил меня цепляться за жизнь любой ценой. Знал бы он, какая это школа.

— Я выйду за тебя, — сказала я.

Голос был чужой. Я произнесла это ровно, без слёз и без дрожи, как произносят цену на рынке. И замолчала, ожидая, что будет дальше.

Он молчал.

Смотрел на мои губы, потом в глаза — долго, как будто

искал там что-то, чего я сама в себе не находила. И вдруг я увидела, как желваки заходили на его скулах. Он злился. Он — злился? На что? Я сделала всё, что он велел. Произнесла. Не выла, не цеплялась за него с мольбами. Я сдалась правильно, как сдаются на войне: молча и вовремя.

Монстры должны быть довольны, когда им подчиняются.

Я не успела понять, почему, как его рука взметнулась и сжала мои спутанные волосы у самых корней.

Боль вспыхнула резко, он заставил меня задрать голову вверх. Сквозь пелену в глазах я увидела каменные своды ледника. Не понятно почему, но я, вдруг вспомнила дедушкины руки. Большие, тёплые, осторожные. Он гладил меня по волосам каждый вечер последний год. «Ты сильная, девочка. Ты со всем справишься, нужно только захотеть».

Захотеть. Мне очень хотелось, бабушка....

— Ты согласилась. Прекрасно. Сейчас я прикажу тебя отмыть, одеть и накормить — ровно настолько, чтобы ты могла стоять у алтаря. — Слово «алтарь» он почти выплюнул. — Но после того, как кольцо будет на твоём пальце, ты узнаешь, что такое истинный Север. Здесь нет места нежности, розочка. Ты будешь чувствовать холод каждую секунду своего существования здесь. Я сделаю так, что сама захочешь содохнуть, но процесс будет мучительным, и я не позволю тебе просто так сбежать.

«Нет места нежности». Он бросил это как угрозу — а я не почувствовала ничего.

Нежность не полагалась мне и на юге: отец не давал, мать не умела, а любовь Альберта была такой, от которой выворачивало в кустах. Нельзя отнять то, чего у человека никогда не было. Он не знал этого. А я не собиралась объяснять.

Он отпустил мои волосы. Голова мотнулась.

— Привести её в порядок, — бросил он через плечо, в темноту за дверью, где, как оказалось, всё это время стояли двое. — И принесите воды. Она заслужила... глоток.

«Заслужила». Так говорят псу, который принёс палку. Меня повышали в должности: с поганого отродья — до собаки. Дальше, по этой логике, следовало ожидать должности лошади.

Он повернулся ко мне в последний раз, и лицо его озарила мерцающая тень факела.

— Наслаждайся этим, розочка. Потому что после того, как ты станешь моей женой, вода будет капать из чаши не чаще, чем я буду считать нужным. У тебя есть один день, чтобы научиться быть благодарной.

Дверь лязгнула, а я осталась висеть в темноте.

Меня качало. Я ощущала себя выжатой, опустошённой до доньшка, но где-то на самом дне, под усталостью и страхом, копошилось странное, незнакомое чувство.

Я была жива. Седьмой день. Голос, слёзы и гордость кончились, а я всё ещё дышала.

Меня учили благодарности всю жизнь — за объедки, за несдержанные удары, за право просто существовать в отчем

доме. Я закончила лучшую школу юга.

Я слышала, как по коридору шаркали шаги, что-то плескалось и звякало железо о жёсть. Потом дверь отворилась, и двое охранников в чёрных плащах вошли без слов. Один держал глиняную кружку. Другой пошёл вдоль стены туда, на котором висела моя цепь.

Меня не бросали на пол и не приковывали заново — просто опустили цепь ниже, так, что я смогла опуститься на колени. Руки упали вдоль тела тяжёлые, словно чужие. Неделя на весу не прошла даром: я не чувствовала пальцев, плечи были сведены так, что, казалось, кости срослись неправильно.

Кружку сунули мне в руки.

Я пила как скот. Как собака. Наклонилась к кружке, не поднимая её толком, и глотала, глотала, глотала, вода лилась по подбородку, по шее, за ворот, и мне было всё равно. Тёплая. Они дали тёплую воду. Возможно, единственное в этом доме доброе, что я увидела, и то, скорее всего, потому, что так велел он.

Я выпила всё до дна и, не отдавая кружки, облизала край. Охранник смотрел на меня с безразличным любопытством, как смотрят на чужую больную дворнягу.

— Живая, — сказал он второму. — А тётка Ирма спорила, что не дотянет.

— Тётка Ирма всё знает лучше всех, — отозвался второй, и в его голосе было что-то похожее на смешок. — Пошли её

мыть.

Меня подняли под руки. Ноги не держали. Меня выволокли из ледника в коридор.

Коридор был длинным, тёмным и — тёплым. По-настоящему тёплым. От каменных стен тянуло печным жаром, и я вдруг поняла, что плачу. Молча, без рыданий, просто слёзы текли сами, когда моё тело начало оттаивать.

Оттаивало оно больно: покалывало в пальцах, ломило плечи, огнём жгло ступни, будто по ним хлестали крапивой. Оказывается, я всю неделю держалась только на морозе. Мороз не позволяет ничего чувствовать.

Мы прошли, наверное, полдома.

Баня была в дальнем крыле. Маленькое тесное помещение, выложенное серым камнем, — лавка, чан с водой, от которого поднимался пар, деревянные шайки. В углу топилась печь. От пара и жара у меня закружилась голова.

Вдоль стены, сложив руки на животе, стояла женщина. Грузная, высокая, с широким красным лицом и седыми прядями в прямых волосах. Она была одета чище служанок, которых я видела на юге, и смотрела на меня так, как смотрят на грязь, которую сейчас придётся оттирать.

— Это она? — спросила она у охранников.

— Она.

— Снимай.

Я стянула с себя то, что осталось от моего платья сама. Руки дрожали, не слушались, ткань липла к телу. Когда я

выпрямилась, женщина уже смотрела на мою грудь, потом на рёбра, потом на бёдра — оценивающе, придирчиво, как оценивают лошадь перед покупкой.

— Худая, — сказала она с презрением. — У шестой хоть мясо было. Эта — кожа да кости. Грех на них, а отмывать нам.

У шестой. Значит, я — седьмая. У меня есть номер, и до меня было шесть. Я успела это отметить и положить куда-то на дальнюю полку туда, куда складывала всё, о чем нельзя было думать сейчас.

— Волосы, — сказала женщина. — Садись на лавку.

Я села. Вернее, меня усадили колени тоже не работали. Женщина взяла шайку, зачерпнула воды из чана и облила мою голову. Тёплая вода хлынула на волосы, на лицо, за шиворот — и я чуть не застонала вслух от блаженства. Просто вода. Просто тёплая вода.

Потом она мыла мне волосы. Грубо, быстро, двумя руками, как отжимают бельё, но я бы терпела это вечно. Мыльная пена текла по лицу, я зажмурилась и, наверное, впервые за неделю закрыла глаза. Меня никто не бил. Мне было тепло. Голова была чья-то чужая, тяжёлая, и можно было не думать.

— Говорят, ты укусила великого Аша, — сказала женщина. Голос у неё был не злой, скорее равнодушный, какой бывает у людей, которые мнут тесто. — Дерзкая. Все южанки дерзкие. Шестая тоже была дерзкая. Пока была.

Я молчала. Так говорили о покойниках, и на юге, и, види-

мо, здесь тоже.

— Не поможет. Дерзость вашу здесь вымораживают, — она сполоснула мне волосы и отжала их, как тряпку. — Сиди ровно.

Я сидела ровно. Я делала всё, что говорили: подняла руку, когда велели, наклонилась, выпрямилась. Меня терли мочалкой, обливали из шайки, ещё раз, ещё — вода с меня сходила серой, потом тёмной, и женщина морщилась, бормоча что-то про грязный юг. Я не спорила. Я — грязный юг. Хорошо. Как скажете.

Я даже начала куда-то проваливаться в тепло, в пар, в дрёму, когда она взяла меня за подбородок и повернула моё лицо к свету.

— А глаза-то у неё... — начала она, разглядывая меня.

И я посмотрела на неё. Я ничего не сделала. Не всхлипнула, не дёрнулась, не сказала ни слова. Я только посмотрела ей в лицо.

Может, мои глаза были недостаточно кроткими.

Может, северянкам не нравится, когда на них смотрят южанки.

Может, ей просто не понравилось моё лицо. Такое лицо носит каждая вторая на юге, и на юге за такое лицо не быют.

Удар пришёлся мне в скулу. Без замаха, коротко, тяжело — так быют не людей, так быют ковёр, когда выбивают из него пыль. Голову мою мотнуло, я рухнула с лавки на мокрый пол, ударилась ребром, и пар над чаном закачался перед глазами.

— За что?.. — выдавила я. Губа лопнула, во рту стало солоно.

— За дело, — сказала женщина ровно. Она даже не разогнула руки на животе. — За то, что смотришь. Зато, что дышишь. Наши девки тут гниют заживо, а тебя, поганку южную, отмываем для Аша. Вот за что.

Она наклонилась ко мне, и в её глазах не было ни злобы, ни радости от содеянного — только холодная, тяжёлая правота.

— Рита, знаешь Риту? Хорошая была девчонка. Восьми зим не дожила. Усохла за зиму, как былинка, Йора не хватало. А Веста? Веста-то двадцать зим прожила, красавица была. Померла весной. Мы здесьдохнем, понимаешь? Род наш мёртвый, земля мёрзлая, живого места нет. А вы на юге жрёте, греетесь, плодитесь... — она сплюнула под ноги. — И вот одна из вас приезжает сюда, и ради неё — баню топи, воду грей, шерсть белую трать. За что тебе любовь-то? Ты мать наша горячая? Нет. Ты — шестой гвоздь в крышку гроба. Вот и вся твоя должность, южанка.

И, помолчав, добавила:

— Встань. Не дочистила ещё.

И я встала.

Хуже холода и цепей не может быть ничего. Это я поняла за последнюю неделю, поэтому я встала. Поднялась с пола, села обратно на лавку и подставила спину под мочалку. Потому что я провела восемнадцать лет в доме, где меня били

не за что, и я знаю главное правило таких домов: если ударили ни за что — значит, за что-то. Просто причина тебе не сообщена. И если сейчас начать спрашивать или плакать, объяснят кулаками. Этого добра мне хватило на всю жизнь.

Женщина дочистила меня молча. Она даже стала тише тереть — не мягче, а именно тише, как чистят вещь, которая нужна в хозяйстве. Было уже всё равно.

Потом меня вытерли грубым полотном, расчесали мокрые волосы — редким гребнем, безжалостно, до искр из глаз — и бросили на лавку одежду: белое платье из толстой северной шерсти, простое, как саван. Я влезла в него сама. Оно оказалось мне велико — плечи сползали, рукава закрывали пальцы. Шестая, наверное, была крупнее.

А потом дверь открылась, и в баню заглянул охранник.

— Готова? Веди.

— Готова, — сказала женщина и, уже разворачивая меня к выходу за плечо, внезапно наклонилась к самому моему уху: — Умри быстро, южанка, — сказала она тихо, и в голосе её была почти просьба, почти молитва. — Ты уж постарайся. Не ради себя — ради нас. Каждая, как ты, тянет из Севера последний живой жар. Две недели промучаешься — две недели наш дом будет стыть. Так что ты уж... не тяни. Хоть в этом не будь как шестая, паршивица. Та два дня мучилась, покуда издохла. Всё это время наши окна инеем снаружи зарастали.

Она меня не ненавидела. Ненависть — это про личное,

про кровь и месть, про поруганную честь. Мой отец разбился в этом как никто. А эта женщина ненавидела не меня. Она ненавидела юг — всеми силами своей израненной, усталой души. Просто я была югом. Я была тем, от чего умирали её девочки. Палачом её детей.

Я не могла винить её. Вот что самое дикое. Я не могла её винить. Если бы у меня забрали всех, кого я любила, и оставили мёрзнуть в вечной ночи, я бы тоже нашла кого винить.

— Платье с плеч не спускай. Подпояшь — и носи. Зима стоит, одним словом, вечно, а платья белого у меня на всех вас, южанок, не напасёшься.

И вытолкала меня за порог.